

О. Г. Усенко
Тверь

КТО ТАКОЙ «САМОЗВАНЕЦ»?

Кого считать самозванцем – самозванцем вообще и монархического толка, в частности? Вопрос далеко не праздный, потому что ответ на него лишь поначалу кажется очевидным.

Слово «самозванец» возникло в начале XVII в. Сначала оно было именем нарицательным (обозначало Лжедмитрия I), а потом превратилось в обобщающее понятие, получив распространение не только в русском, но и в других славянских языках. За пределами этого ареала адекватных соответствий слову «самозванец» нет¹.

Например, в немецком языке ему соответствует гораздо более узкое по значению слово «узурпатор» (*der Usurpator*), а понятие «самозванный» передаётся приставкой «псевдо» (*Pseudo-*), эпитетом «ложный» (*falsche*) или просто «калькируется» (*selbsternannt*).

Сходным образом в английском языке для передачи понятия «самозванец» употребляются как описательные средства – приставка «псевдо» и прилагательное «ложный», так и специальные термины: «pretendant» (из французского) и «pretender», с общим значением «притворщик; претендент на трон», «claimant» и «claimer», имеющие значение «предъявляющий права, претендент; истец», а также слово «impostor» (от французского «un imposteur»). Последнее слово, как и во французском языке, означает прежде всего лжеца, обманщика и лишь во вторую очередь – человека, выдающего себя за другое лицо.

Хотя слово «самозванец» интуитивно понимает каждый человек, родившийся в России, хотя оно стало уже научным термином, мало кто сможет ему дать чёткое объяснение. Не помогут в этом и словари с энциклопедиями.

Например, В. И. Даль определяет «самозванца» так: перечисляет его возможные эпитеты («ложный, лживый, не истинный, не подлинный, поддельный или подменённый, притворный, вообще подложный»), различные ипостаси («лжеапостол, лжеучитель, лжехрист, лжепоп, лжемонах, лжепророк, лжецарь»), а в конце подытоживает, что это «обманщик..., с коварным замыслом принимающий звание, сан, имя и вид названных личностей»². Определение слишком узкое, ведь получается, что, например, человек, без малейших на то оснований выдающий себя за офицера, чиновника или же какого-либо героя, – не самозванец.

Не слишком удачное разъяснение дают и толковые словари русского языка. Современное издание сообщает: самозванец – это «тот, кто выдаёт себя за другого человека, присваивает себе его имя, звание»; при этом «незаконное присвоение себе чужого имени, звания» называется самозванством. Определение, напечатанное в 1940 г., более пространно: «Самозванец... Человек, самовольно, незаконно присвоивший себе чужое имя, звание, выдающий себя за другого. (...) Эпитет человека, присвоившего себе имя царя или кого-н. из членов царского дома в борьбе за политическую власть...»³

Встаёт вопрос: как быть, если человек вместо имени конкретного правителя берёт «всего лишь» царский титул? Если он присваивает не чужое звание, а «ничейное» или «общедоступное» (например, врача или писателя)?

Эти вопросы остаются без ответа и после обращения к словарю Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Там самозванец определяется как человек, повинный в самозванстве, которое, в свою очередь, оказывается «присвоением чужого имени, звания и т. п. с какими-либо целями»⁴.

Сходное и столь же несовершенное определение даёт «Советская историческая энциклопедия». Статья «Самозванцы в России» повествует о лицах, «присваивавших себе вымышленные (?) чужие звания, имена и фамилии», причём деятельность этих лиц обозначается термином «самозванство»⁵.

Что касается последнего издания «Большой советской энциклопедии», а также «Большого энциклопедического словаря», то в них нет статей на интересующую нас тему.

Итак, обнаруживается, что в отечественной науке термин «самозванец» тесно связан с термином «самозванство». Но какие понятия скрываются за ними – пока не слишком ясно. Кроме того, не ясно, как именно эти слова соотносятся между собой, а также с терминами «самозванчество» и «самозванщина».

Термин «самозванщина» использовался в основном до 30-х гг. XX в. Им обозначали как цепочку народных выступлений в поддержку самозванцев, так и единичное, но массовое движение протеста под предводительством удачливого лжемонарха – такого, например, как Лжедмитрий I или Е. Пугачёв. При этом авторы, употреблявшие данный термин, иногда заменяли его словом «самозванство»⁶.

Последний термин – самый популярный, причём сфера его применения довольно широка: он используется для обозначения не только помыслов и поступков самозванцев, но также взглядов и действий их сторонников, отношений между самозванцами и окружающими⁷.

[с. 39]

Однако для тех же целей некоторые исследователи применяют понятие «самозванчество»⁸.

Хотя ни та, ни другая группа авторов не считают эти термины синонимами, в итоге всё равно получается, что «самозванство» и «самозванчество» используются одинаково – для обозначения как индивидуальных, сугубо личных помыслов и действий какого-либо «похитителя» чужого имени и/или статуса, так и социальных феноменов, связанных с его появлением.

Нечто подобное присутствует и в англоязычной историографии, где для описания и анализа поступков и психологии как отдельно взятого самозванца, так и тех, кто попал в сферу его влияния, применяется один и тот же набор синонимических терминов: «*imposture*», «*pretension*», «*pretence*» («*phenomenon of pretence*»), «*pretender phenomenon*»⁹.

В то же время они могут и различаться, если какой-либо автор усматривает смысловые нюансы у слов, от которых эти термины происходят. Так, М. Перри отмечает, что «*impostor*» более соответствует русскому понятию «самозванец», нежели «*pretender*». Правда, вслед за устоявшейся традицией она употребляет оба слова, когда речь идёт о человеке, ложно принявшем имя и титул монарха¹⁰.

Особняком стоит Д. Филд, который разводит понятия «*pretendership*» и «*imposture*», лишь последнее относя к феномену самозванства (самозванчества). По его мнению, «*pretender*» – это человек, притязующий на престол в обход правил наследования, благодаря которым правящий монарх взойдёт на трон и которых он придерживается; примером служит Екатерина II. Наоборот, «*impostor*» выдаёт себя за того, кто, с точки зрения общепринятых правил наследования, был бы легитимным правителем¹¹.

В научных работах, написанных на французском языке, понятие «самозванец» передаётся терминами «*un imposteur*», «*un pretendant*», а «самозванство» («самозванчество») – словом «*une imposture*»¹². Но и тут замечается, что перевод русских слов приводит к искажению их смысла¹³.

К сожалению, зарубежные авторы чаще всего сосредотачивают внимание на лицах, которые выдавали себя за монархов или членов их семей. Такой подход преобладает и в справочной литературе, изданной за границей¹⁴. При этом нужно учесть, что далеко не во всех изданиях энциклопедического характера имеются статьи с разъяснениями интересующих нас понятий¹⁵.

Вполне возможно, что такая ситуация обусловлена господством представления, будто самозванство (самозванчество) – это прежде всего явление российской истории и культуры. По крайней мере, такой взгляд характерен для изданного в Польше на английском языке толкового словаря «Русская ментальность».

В словаре отмечается, что самозванство может быть как светским (причём не только монархической окраски), так и религиозным. Тем не менее и здесь отсутствует чёткое, не вызывающее вопросов определение понятия «самозванец»: им считается тот, кто выдвигает сомнительные или необоснованные притязания на титул (звание) и функции какого-либо исторического персонажа¹⁶. За рамками, стало быть, остаются случаи, когда незаконно присваиваются звания или полномочия, которые в массовом сознании не увязаны с образом конкретного – исторического или легендарного – лица.

Мне думается, что содержание понятия «самозванец» можно выявить лишь на основе отечественной традиции научной мысли. Если говорить о существующих в ней подходах к изучению проблемы, то исследователи разбиваются на две группы: с одной стороны оказываются историки и филологи, изучающие древнерусскую словесность, с другой – философы и культурологи.

Последних интересует не столько социально-исторический, сколько метафизический, «общечеловеческий» аспект изучаемого феномена.

Вот что пишет Ю. Буйда: «В широком смысле всякий человек, пытающийся выйти за границы царства сложившихся форм, будь то Иисус Христос, Наполеон или Пикассо, может быть назван самозванцем или даже преступником, поскольку в стремлении к свободной самореализации он преступает грань общедозволенного»¹⁷.

Ему вторит Л. Анненский: «Самозванство – это же самоосуществление. В известном смысле мы все – самозванцы. Любой доброволец – самозванец. Любая инициатива – самозванство»¹⁸. Сходным образом рассуждает и Ю. Бородай: «В метафизическом плане все люди... – своего рода самозванцы», ибо «каждый человек вовсе не является тем, кем он сам себя представляет: он не то, что он сам о себе думает, а тем более говорит. Во всяком случае, не совсем то»¹⁹.

Однако подобного единодушия нет, когда авторы излагают своё понимание самозванства «в узком смысле» – как социально-политического явления.

Л. Анненский выделяет следующее: «Самозванство – категория властная, связанная с властью, претендующая на власть... Мы так и не проведём чёткой грани между самозванством и узурпацией. Ибо чёткой грани нет». Поскольку смена имени – это «единственно возможный способ подключиться к власти», постольку «самозванство – это всегда *подмена*. Это непременно – когда выдают себя за другого».

Ю. Бородай, говоря о сути социально-политического самозванства, обращает внимание на двойственную самооценку его носителя: самозванец – это человек, «который выдаёт себя за того, кем он не только не является, а кем он и сам себя не представляет».

Ю. Буйда тоже фокусирует внимание на психологии самозванцев, правда, выделяет в ней иные черты. Он полагает, что «именно самозванство является главной чертой, отличающей человека Нового времени от человека Средневековья». Данный феномен рассматривается как реализация особой «духовно-поведенческой модели», основанной на убеждении, что индивид «не имеет природы», а значит «весь мир форм подвластен человеку настолько, что он может его превзойти, либо

[с. 40]

перерождаясь в демона, либо восходя к божественной, сверхразумной сущности»²⁰.

Хотя и Г. Л. Тульчинский рассуждает о самозванческой модели жизнедеятельности, тем не менее суть её он видит не в реализации личностной свободы, а в противоположном устремлении – в отказе человека от своей индивидуальности во имя коллектива, в «уходе от себя свободного», в «безответственном представительстве "от имени" класса, нации, инстанции, только не от себя лично»²¹.

Историки, а также филологи, изучающие язык и словесность Древней Руси, стремятся подойти к проблеме более конкретно, с учётом конкретно-исторической

детерминированности и вариативности самозванства (самозванчества). Однако и среди них нет единства в понимании сути этого феномена, хотя взгляды исследователей по ряду пунктов совпадают.

Так, подавляющее большинство исследователей прилагает эпитет «самозванец» лишь к лицам, которые воспринимаются ими в качестве психически здоровых, «нормальных»²².

Такой подход выглядит неправомерным, поскольку излишне субъективен и связан с модернизацией исторической действительности – исследователи оценивают поступки самозванцев и их сподвижников исходя из собственных представлений, не учитывая относительности и культурно-исторической обусловленности понятий «безумие» и «психическая норма»²³. Авторы постоянно рискуют совершить ошибку ещё и потому, что сведения источников зачастую не позволяют сделать однозначный вывод о психическом состоянии, так сказать, «кандидата в самозванцы».

Например, Н. Н. Покровский нашёл возможным не согласиться с мнением императрицы Елизаветы, посчитавшей И. Дирикова («сына Петра I») помешанным в уме. Однако исследователь не сумел как следует обосновать своё решение, упомянув лишь о том, что начальник Тайной канцелярии А. И. Ушаков счёл Дирикова вменяемым²⁴.

Однако опираться в данном вопросе на мнение людей XVIII в. – рискованное занятие. Тогда не было научной психиатрии, поэтому выводы делались в первую очередь по тому, как ведёт себя наблюдаемый в ситуации общения и одиночества: доказательствами сумасшествия были сумбурная, нечленораздельная или несвязная речь, озирание по сторонам, беспричинный смех, крики, драчливость, срывание с себя одежды и т. п. Если же речь и поведение человека внешне подозрений не вызывали, то его могли отнести к нормальным, пусть даже содержание его слов было чистой воды ахинеей²⁵.

Тот же А. И. Ушаков и его присные в 1733 г. никак не хотели верить в умопомешательство некоего П. Е. Бармашева, хотя он рассказывал им, что на его голову с неба упала ракета и взорвалась, но он остался невредим, что с ним разговаривали свиньи, окликаая его по имени, и т. п. По мнению следователей, «сумозбродства никакова... признать было не можно, понеже говорил оной Бармашев твёрдо – как видно, что был в совершенной памяти». Лишь после того, как подследственный, будучи в камере, стал постоянно кричать, драться, не выполнять приказы караульных, его признали безумным²⁶.

К. В. Сивков, изучая самозванчество в России второй половины XVIII в., оставил без внимания деятельность тех лиц, которые казались ему безумными. При этом он не изложил критериев подобной сегрегации, можно даже предположить, что он их и для себя не сформулировал. Иначе трудно объяснить его непоследовательность: вычеркнув из перечня самозванцев А. Корсакову, исследователь оставил в нём И. Андреева и А. Васильеву, поведение которых вполне даёт основания для наделения их эпитетом «сумасшедшие»²⁷.

В принципе, уже сам факт самозванства может вызывать сомнения в психической нормальности его инициатора. Но в таком случае возникает дилемма: либо нужно признать, что самозванцев как таковых нет, либо примириться с тем, что среди них могут быть люди с патологическими отклонениями в психике.

В этом смысле правильную позицию заняли С. М. Соловьёв, Е. В. Анисимов и П. В. Лукин, которые не увидели ничего зазорного в том, чтобы называть самозванцами людей с психическими отклонениями²⁸. Корректным выглядит и подход А. Я. Гуревича, полагающего, что ввиду скудости источников надо отказаться от обсуждения вопроса, являлись ли самозванные святые в средневековой Европе мистификаторами, либо впавшими в самообман мечтателями, либо психически ненормальными²⁹.

Ограничение поля зрения лишь «нормальными» людьми роднит многих историков с философами и культурологами. Однако служители Клио стремятся выявить не только общее, но и различное в психологии и поведении лиц, относимых ими к самозванцам, предлагая различные варианты самозванческой типологии³⁰. Кроме того, в исторической литературе не затихает спор, предметом которого фактически является понятие «психическая норма».

Одни авторы полагают, что самозванцем вполне можно считать человека, находящегося в состоянии аффекта или алкогольного опьянения³¹. Другие исследователи отвергают подобную «всеядность», считая, видимо, что самозванство (самозванчество) – это не «затмение разума», но осознанная деятельность, не «перерыв повседневности», а некая константа, новый *modus vivendi*³². Некоторые историки занимают срединную позицию: например, случаи, связанные с «пьяной болтовнёй», оставляют за рамками исследования, но всё же отмечают их как одно из проявлений самозванства (самозванчества)³³.

Ещё один камень преткновения – вопрос о «необходимом и достаточном условии» отнесения человека к самозванцам.

Если одним исследователям для такого отнесения достаточно лишь слов – публичного заявления индивида о своих притязаниях на не принадлежащие ему имя и/или статус³⁴, то другим авторам слов мало – нужны ещё и целенаправленные действия со стороны подобного

[с. 41]

«объявителя», подкрепляющие и реализующие сказанное им³⁵.

Своеобразна позиция А. С. Мыльникова, который считает возможным говорить о существовании «пассивного самозванчества». Примером одного для исследователя служит ситуация, в которой оказался авантюрист Ф. Я. Лейбович. Последний в конце 80-х гг. XVIII в. обосновался в Австрии, и о нём распространился слух, будто он – скрывающийся под личиной «польского графа» император Пётр III. Историк воспринимает Лейбовича как самозванца, хотя «активных действий по признанию приписывавшихся ему "прав" он не предпринимал»³⁶.

При этом большинство исследователей подразумевают, что самозванство (самозванчество) – дело, которым занимаются всерьёз. Но некоторые авторы берут в зачёт и шуточные слова и действия, а также игровое поведение. В результате самозванцами оказываются, к примеру, главные персонажи фольклорной «игры в царя»³⁷.

Кстати, понятие «**монархическое** (царственное, царистское) самозванство (самозванчество)» тоже нуждается в чётких дефинициях.

В большинстве работ господствует презумпция, что любое именование себя титулом или эпитетом, которые в массовом сознании увязываются с образом верховного правителя или члена его фамилии, превращает человека в самозванца монархического толка³⁸.

Характерный пример – позиция Н. В. Реутского, пришедшего к выводу, что называвший себя «царём» П. Лупкин – один из руководителей секты хлыстов («людей божиих») во второй четверти XVIII в. – дошёл «в своём самообольщении» до идеи не только религиозного, но и «политического самозванства»³⁹.

Однако есть причины сомневаться в обоснованности этого вывода. На допросах в марте 1733 г. сектанты показывали: «В сонмищах их на здравия... Их Императорских Величеств и... Ея Императорское Величество и Ея Величества на фамилию и на отечество никаких злых умышленей у них не бывало»⁴⁰. Судя по всему, П. Лупкин претендовал не на светскую, а на духовную власть, равно как и другой хлыстовский «кормщик» – С. Осипов, который назывался «богом богов» и «царём царей»⁴¹.

Тут надо учитывать, что в христианской религиозной традиции слово «царь» – один из эпитетов Христа. «В России наименование монарха царём отсылало прежде всего к религиозной традиции, к тем текстам, где царём назван Бог... Если в Византии наименование царя (βασιλεύς) воспринималось как обозначение должности верховного правителя..., то в России то же наименование воспринималось, в сущности, как имя собственное, как одно из божественных имён...»⁴²

Кстати, двойственность самооценки бывала и у заграничных самозванцев религиозного толка. Можно вспомнить, например, о К. Кульмане, выдававшем себя в 80-х гг. XVII в. за «Христа», «королевича Божия» и «царя Израильского»⁴³.

Далее, надо учитывать ещё вот что: в России XVII–XIX вв. было весьма распространено и величание себя «просто» царём или государем, без каких-либо уточнений и пояснений. Чаще всего такое уподобление имело место в споре, перебранке или во время попойки, когда один из оппонентов хотел подчеркнуть свою независимость, силу, исключительность, более высокий статус, власть и т. п. («Я де сам царь!»; «И буду я государь!»)⁴⁴. Слова «царь» и «государь», таким образом, употреблялись в переносном смысле⁴⁵. Метафорический смысл могли носить и выражения типа: «Я – брат царю», «Я – товарищ царицы», «Я – царского колена» и пр.⁴⁶

Стало быть, не каждый индивид, называющий себя «царём» или «государем», пусть даже он отстаивает свою точку зрения, подпадает под квалификацию «самозванец монархического толка».

О сложностях, которые поджидают исследователя, изучающего проблему монархического самозванчества, можно судить и на таком примере. В 1780 г. некий подпоручик Д. Кудрявов, сидя в тюрьме, заявил, что он «произошёл от царской крови», ибо «матери его пращур при царе Иване Васильевиче выехал из Сибири царевичем, которого звали Кучумом»⁴⁷.

Ни о какой метафоре здесь нет и речи. Но на какой статус притязал подпоручик? С одной стороны, вроде бы на самый высший. Но с другой стороны, Кудрявова от его мифического предка отделяли 200 лет, к тому же «пращур» потерял свои владения. А какой же монарх без царства или королевства, к тому же обретший сюзерена?

Сходный случай имел место и в 1732 г., когда в Петербурге был арестован приезжий грек – монах Серафим (Стефан Иванов). Причиной ареста было подозрение, что он – шведский шпион, и лишь в ходе следствия обнаружилось, что он считает себя потомком «греческих императоров Погонатов» и «экзархом наследным Цыклядов и Спорядов» (Средиземного моря)⁴⁸.

Поскольку Серафим притязал на титул экзарха, а таковой носили **наместники** византийских императоров, поскольку он уточнял, что «роду шляхетскаго с линии Паганатовых», и к тому же видел себя на службе у «законного наследника» византийского престола – Иоанна Антония Ласкаря Комнина Палеолога⁴⁹, то данный случай надо квалифицировать не как монархическое, а как вельможное (сановное) самозванство.

Такой же оценки заслуживают и притязания Д. Кудрявова, но обосновать подобный вывод будет возможно лишь после того, как получит чёткое определение термин «самозванец монархического толка». Ведь надо задуматься ещё вот над чем: а было ли тут вообще самозванство? Можно ли рассматривать как самозванца того, кто начал «разглашать» о себе, находясь под арестом или за решёткой?

Ответить на этот и поставленные ранее вопросы помогает комплексный подход к проблеме – увязанные воедино принципы историзма и системности, методы исторической психологии и культурной антропологии («диалог культур»).

Изучение прошлого с точки зрения исторической психологии подразумевает использование таких понятий,

[с. 42]

как «психическая норма», «девиация» (в принципе допустимое отклонение от нормы) и «психопатология». При этом необходимо учитывать относительность этих понятий, поскольку их содержание варьируется от эпохи к эпохе, от одной культуры или общности к другой, даже от индивида к индивиду.

На наш, современный, взгляд, галлюцинации – несомненный признак душевной болезни, но люди средневековья, очевидно, были другого мнения, иначе бы не были столь популярными жанры литературных «видений» и фольклорных «быличек» (рассказов о встречах со сверхъестественными существами), а самое главное – авторы этих историй

вместо внимания со стороны окружающих встречали бы насмешки или порицание.

Ещё пример: с точки зрения европейца, такой синдром, как «амок», связанный с реактивным психозом и распространённый в Малайзии, – это патология, психическое расстройство⁵⁰. Между тем для местного населения это вполне обыденная вещь – один из традиционных способов реагирования на прилюдное оскорбление обидчивым и легко ранимым человеком. С такой точки зрения «амок» – не что иное, как девиация⁵¹.

В рамках российской культуры как девиация рассматривается прежде всего состояние аффекта⁵² или алкогольного опьянения. В известном смысле так же оценивается и ситуация игры – игровое существование хотя и воспринимается как «антинорма», тем не менее получает свою «нишу» в жизни индивида и коллектива. Что касается других отклонений, то они обозначаются термином «ненормальность», а также словами «безумие», «сумасшествие», «умопомрачение», «умопомешательство» и т. д.

Для российского массового сознания XVII–XX вв. можно считать характерной установку на отнесение (строго говоря, неправомерное) индивидуальной ненормальности к проявлениям «безумия».

О том, как эта установка проявлялась на бытовом уровне в середине XIX в., можно увидеть на таком примере. Историк Н. И. Костомаров, покинув родовое имение молодым, потом неоднократно «приезжал на родину, записывал народные песни, общался с крестьянской молодёжью, но это непривычное для крестьян поведение со стороны помещика казалось им странным, слишком "панибратским". Они думали, что Николай Иванович "немного дурненький (юродивый) був", как сами сознавались впоследствии...»⁵³.

Отождествление ненормальности с безумием было свойственно даже учёным-историкам. Вот как, например, отозвался о скопчестве А. П. Щапов: «Вообще, все мистико-идеалистические доктрины суть не что иное, как патологические, болезненные проявления нервной системы человека. А эта дикая, противоестественная восточно-евнушеская секта есть уже решительное умопомешательство»⁵⁴.

В том же духе, но уже о монархическом самозванчестве, высказался П. И. Мельников: «Вообще, при появлении самозванца народ наш как будто теряет всякое соображение...»; рассказы лжемонархов «до такой степени нелепы и даже противоестественны, что нельзя не признать их бредом сумасшедших людей, но русский народ верит всякой подобной сказке, и чем нелепее она, тем больше даёт ей веры»⁵⁵.

Говоря о сознании власть имущих, вспомним о судьбе Г. Чаадаева, а также о советской практике использования психолечебниц для борьбы с инакомыслящими. Впрочем, подобная практика имела место ещё ранее – в XVIII в.; уже тогда власти иной раз предпочитали считать государственного преступника сумасшедшим вместо того, чтобы воспринимать его всерьёз.

Например, П. Хрипунов, разглашавший в 1783–1786 гг., что Пётр III жив, был вначале приговорён к заключению в рабочем или смирительном доме, но вместо этого отправлен в дом умалишённых. Там же оказалась и арестованная в 1833 г. самозваная «цесаревна Мария Павловна»⁵⁶.

Ещё один пример: в марте 1793 г. был арестован московский купец Н. Провоторов – за то, что раздал солдатам 1200 рублей из своего состояния. На следствии выяснилось, что он руководствовался евангельской заповедью «Се пол-имения моего дам нищим» и что милостыню от него получали также крестьяне, вдовы, сироты и «тюремные сидельцы». Хотя Провоторов не был официально объявлен сумасшедшим, его поступки были оценены как «безумные», а самого его царским указом было предписано отослать домой под опеку родственников, которым поручалось «иметь за ним смотрение, не давая ему излишней воли в расточении ево имения»⁵⁷.

В массовом сознании, правда, не каждый случай «умопомешательства» оценивался (и может оцениваться сейчас) как нечто печальное или негативное – об этом свидетельствует употребление эпитета «блаженный», которым награждался и слабоумный, и приобщённый к Божественной благодати (праведник или юродивый)⁵⁸.

В ситуации научного поиска истины осознание того, что грань между «психической нормой» и «патологией» размыта даже для современников, что наши (сегодняшние) взгляды и взгляды людей прошлого на этот счёт не совпадают, подталкивает к тому, чтобы не считать одним из признаков самозванца его «нормальность», чтобы не проводить селекцию «кандидатов в самозванцы» с точки зрения их психического состояния.

Иначе говоря, нужно допустить принципиальную возможность того, что среди самозванцев окажутся люди, которые могут восприниматься нами или воспринимались их современниками в качестве психически больных.

Но как же быть с действиями и заявлениями определённого рода, сделанными в состоянии аффекта или опьянения? Можно ли считать их разновидностью самозванства? И если да, то в каких случаях?

Ответы на эти вопросы могут быть получены в процессе «диалога культур». Одним из принципов, на которых базируется данный метод, является отказ исследователя

[с. 43]

от «объяснений» с позиции своего превосходства, от поучений в отношении контрагента, от оценок типа «плохое/хорошее», «неправильное/правильное», «отсталое/развитое», «ложное/правдивое» и т. п. Исследователь вместо того, чтобы вкладывать в понятия исключительно свой смысл, должен уважительно прислушиваться к «речи» людей прошлого, он должен пытаться взглянуть на мир глазами своих «собеседников», а не смотреть на всё лишь с позиции сегодняшнего дня⁵⁹.

Применительно к проблеме самозванства это означает, что мы должны довериться своим «собеседникам» (изучаемым персонажам, их сподвижникам, противникам и сторонним наблюдателям), а потому взять за основу их критерии для определения и применения понятия «самозванец». В самом деле, разве значение слова лучше знает не тот, кто его придумал и первым стал употреблять?

В России XVII–XIX вв. официальное законодательство выделяло среди политических преступлений, помимо «самозванства», также деяния, которые квалифицировались как «непригожие (непристойные) речи». В их число входили, в частности, те самые пьяные откровения, хвастливые заявления, порождённые аффектом тирады, которые быстро забывались или дезавуировались тем, кто их произносил, и не подкреплялись никакими действиями со стороны «разгласителя» для утверждения им себя в той социальной роли, которую он вроде бы только что принял⁶⁰.

Характерно, что наказание за подобные правонарушения было чаще всего не слишком суровым: до середины XIX в. (до общего смягчения уголовного права) осуждённого били кнутом, плетью или батогами, а потом ссылали в Сибирь (впрочем, иногда и освобождали)⁶¹.

Наоборот, если человек был повинен в «самозванстве», его ждала гораздо более суровая кара.

До середины XIX в. за религиозное самозванство чаще всего грозило вечное заключение в монастыре⁶². Туда же, как правило, до второй половины XVIII в. (до появления домов для сумасшедших) ссылали лжецарей, лжецаревичей и прочих тому подобных, если те признавались «умоврежденными»⁶³. Впрочем, их могли предать смерти⁶⁴ или же наказать перед ссылкой кнутом⁶⁵. «Нормальных» же претендентов на монарший статус ожидали чаще всего либо смерть, либо кнут, а затем вечная или же длительная (например, 15-летняя) каторга⁶⁶.

Впрочем, последний из этих двух вариантов мог быть иногда и карой за «непристойные слова» – если в них опять-таки усматривался намёк на «самозванство». Так, приговор по делу драгуна И. Герасименко, сболтнувшего спьяну, будто он – царевич (1740 г.), содержал следующее повеление: «бить кнутом и, вырезав ноздри, послать в Рогервик в каторжную

работу вечно». Это обосновывалось тем, что «он самозванецки (подчёркнуто мной. – О. У.) назвал себя царевичем»⁶⁷.

Во второй половине XIX в. уголовные наказания были смягчены, но всё равно выдача себя за члена царствующего дома, пусть даже «без всякого злоумышления», каралась каторгой от 4 до 6 лет⁶⁸.

Теперь пришла пора вспомнить об ещё одном правиле «диалога культур» – заповеди «Доверяй, но проверяй». Историк должен критически воспринимать те утверждения своих «собеседников», которые несут на себе отпечаток идеологических и социально-политических конфликтов. Особенно это касается высказываний со стороны «власть имущих», поскольку последним свойственна «уверенность в том, что истиной можно завладеть так же, как вещью, что ею можно обладать». Соответственно «истина... предстаёт в речи власти как объект (в данном случае объект захвата, обладания)»⁶⁹.

В России XVII–XIX вв. самозванец воспринимался как обманщик, «ложный» носитель какого-либо статуса. Однако понятие «ложный» часто обозначалось и словом «неправильный», хотя это, строго говоря, не одно и то же. В результате любой человек мог быть заклеимён как «самозванец», если со стороны казалось, что он занял своё место не по правилам.

Взять, например, конфликт между «староверами» и «никонианами». И те и другие были уверены, что владеют истиной, а их противники заблуждаются. Когда старообрядцы поповского толка создали свою церковную иерархию, официальная церковь объявила её «ложной», а подчинённые старообрядческим архипастырям округа – «лжекафедрами». Не удивительно поэтому, что лояльные, с религиозной точки зрения, граждане обнаруживали у поповцев «самозванную иерархию» (подчёркнуто мной. – О. У.). На самом же деле старообрядческих архиереев нельзя упрекнуть в том, что они получали свой сан с нарушением канонических правил. Другое дело, что рукоположение их не было санкционировано официальной церковью⁷⁰.

Неоправданно применяли эпитет «самозванец» иногда и светские власти. К примеру, именно так российское правительство заклеимило «салтана Мурата» – руководителя горцев, совершивших в 1708 г. нападение на крепость Терки, а также двух предводителей башкирского восстания, сменивших друг друга в 1707–1709 гг., – «салтана Хозю (Ибрагим)» и «хана Хазея». Для российских властей они были «названными» ханами, потому что получили свой пост без высочайшей санкции, одной лишь волею восставших. Для их же соратников, разумеется, они были законными правителями, тем более, что по крайней мере двое из них («салтаны») были ханского происхождения⁷¹.

Рассмотрим теперь трактовку понятия «самозванство» в российском законодательстве конца XIX в.⁷² Суть его усматривалась в «присвоении прав состояния, чина, титула, знака отличия, чужой фамилии, герба» и т. п. Причём подразумевалось, что «для наказуемости недостаточно, если лицо в единичном случае назовётся не своим именем и т. п., а необходимо, чтобы оно постоянно... так именовалось, или, по крайней мере, ясно выразило бы на то намерение»⁷³.

Конечно, такой подход не выглядит совершенным. Но всё же тут есть на что опереться. Надо лишь сформулировать умолчания, посылки и презумпции, на которых он базируется, привести их в систему, проанализировать и сопоставить с данными источников.

Итак, получается, что самозванец – это индивид, который, сделав соответствующие заявления, от них уже

добровольно не отказывается, но подтверждает их – либо словами, либо также и делами, при этом его поведение направлено на закрепление за собой нового статуса, не принадлежащего ему по праву. И всё это происходит в реальной жизни, а не в игровой обстановке. Не

принимаются в расчёт и шуточные заявления.

Действительно, разве можно считать самозванцем того, кто принимает участие в игре, т. е. находится в ситуации, когда нормы повседневности сменяются антинормами? На мой взгляд, фольклорную «игру в царя» можно считать одной из **предпосылок** самозванства, но не более.

Далее, подразумевается, что к самозванцам относятся только лица, обладающие хотя бы ограниченной дееспособностью. Это лица, которые до явления себя в новом качестве не были официально признаны невменяемыми, а также лица, достигшие совершеннолетия, формальным критерием которого можно считать наступление хотя бы частичной уголовной ответственности.

Теперь ответим на вопрос, можно ли отнести к самозванцам человека, делавшего свои заявления в пьяном виде или в состоянии аффекта.

Если такой человек, вернувшись в нормальное состояние, помнит о своих «разглашениях», повторяет их, а уж тем более, если стремится реализовать их на практике, то он – самозванец.

Исходя из этого, нельзя называть самозванцем, к примеру, ни попа И. Антонова, объявившего спьяну, «якобы он Государев отец» (1736 г.), ни солдата В. Долгополова, в ссоре назвавшего себя «Преображенского полку полковником», что означало, будто он – «царского поколения» (1755 г.). Дело в том, что все эти заявления были разовыми, а произносившие их воспринимали себя как потерявших самоконтроль болтунов⁷⁴.

Человека, относящегося к числу душевнобольных, тоже следует называть самозванцем лишь в том случае, если он последователен в своей самооценке, если одержим одной и той же «сверхценной идеей», ставшей сутью его повседневного существования – до тех пор, пока безумие не отступит. В противном случае надо вести речь о «псевдосамозванстве».

«Псевдосамозванцем», например, я считаю «тюремного сидельца» Ф. Родионова, который в ноябре 1740 г., будучи в церкви у присяги, «говорил здорово и шумно, что он Фёдор Тиран и Государева роду», но затем никак не подтверждал подобного притязания, а говорил только о том, что «опознал царя Ивана Алексеевича» или «царя Ивана Васильевича»⁷⁵.

Сходным образом вела себя в 1746 г. и «жонка» А. Трофимова, заявившая в перебранке, «якобы она, Анна, будет на царстве». После этого она тоже, хотя и не переставала «врать», не произносила уже никаких «важных непристойных слов» и тоже была признана сумасшедшей⁷⁶.

К разряду «псевдосамозванцев» надо, очевидно, относить и человека низкого происхождения, которого с детства воспитывали как царевича, который верил в своё высокое происхождение, и, повзрослев, не отказался от привычной самооценки. Одним из таких был, например, «московский царевич» Ян-Фаустин Луба, живший в Польше в первой половине XVII в.⁷⁷

Нельзя, разумеется, считать самозванцем и человека, которого стали воспринимать в новом качестве после того, как он умер.

Подобная оговорка – не голое умозрение, такие случаи действительно бывали. Например, в 1771 г. по Парижу разнёсся слух, что недавно умершая госпожа д'Обан (или Мальдак) была некогда принцессой Брауншвейгской и женой царевича Алексея Петровича⁷⁸.

Ещё одним примером – уже из российской истории – служит посмертная судьба скопческой «богородицы» Акулины Ивановны, которую К. В. Чистов и Б. А. Успенский ошибочно посчитали самозванкой не только религиозного, но и монархического толка⁷⁹. Да, среди скопцов она почиталась и как «императрица Елизавета Петровна», однако императорский сан был ей приписан лишь тогда, когда её мифический «сын» – К. Селиванов начал выдавать себя за императора Петра III, т. е. не ранее 1780 г. А к этому времени, по мнению наиболее авторитетных историков скопчества, она умерла⁸⁰.

Напротив, нельзя не отнести к самозванцам субъекта, который попал в ситуацию, сходную с той, в какой оказался Хлестаков, и точно так же, как и герой пьесы, использовал

её с выгодой для себя, подыгрывая ошибавшимся на его счёт окружающим.

Собственно говоря, подобные хитрецы и так почитаются в качестве самозванцев. Например, А. Асланбеков стал «Пётром III» после того, как его осенью 1763 г. признали таковым однодворцы Обоянского уезда, причём сделали они это по собственному разумению. Сам же Асланбеков о себе как «императоре» не говорил, и лишь спустя 4 месяца, будучи под арестом и прося помощи у сподвижников, так сказать, признался, назвав себя «земным богом»⁸¹.

Ещё более осторожным был В. Бунин, тоже почитавшийся несколькими лицами как «Пётр III». Он ни разу публично не назвал себя таковым, лишь однажды, будучи пьяным, похвалился шпагой, которую «будто подарила ему... Екатерина». Все «разглашения» о нём делала ближайшая сподвижница – М. Тюменева, которая, кстати, и убедила его, что он – знатная персона⁸².

Если же человек, воспринимаемый в качестве носителя несвойственных ему полномочий, звания, титула и т. п., не потакает окружающим, не подыгрывает им, не вживается в новую для него роль, а ведёт себя так, как и ранее – до изменения общественного мнения о нём, то его нельзя считать самозванцем.

Фактически к такому выводу пришёл уже Б. Кубалов, отказавшийся причислять к самозванцам старца Феодора Кузьмича, которого в середине XIX в. многие сибирские жители воспринимали как императора Александра I. Вот как историк обосновал своё решение: «Народная молва могла считать Фёдора Кузьмича кем угодно, но сам себя он никогда не называл ни царём, ни великим князем. Планами политического и социального строительства он не увлекался, ни с кем о них не говорил и не пытался

[с. 45]

осуществить их посредством восстания или иным путём»⁸³.

Итак, на основе системного подхода можно выделить 5 признаков, раскрывающих в совокупности содержание термина «самозванец».

Во-первых, самозванец – это дееспособный индивид, который знающим его людям открыто (словесно или письменно) заявлял сам, или давал понять намёками, или убеждал их чужими устами, что он не тот, за кого его принимают, и выдавал себя за носителя иного, нежели в действительности, имени и/или статуса, который от людей, не знакомых с ним, скрывал своё истинное прошлое или искажал его, играя перед ними роль, взятую по собственной инициативе или вследствие ошибочного, но выгодного для него отношения со стороны окружающих. Всё это означает, что «пассивного самозванчества» просто не может быть.

Во-вторых, самозванец – это индивид, который, начав однажды играть новую социальную роль (пусть даже она была принята им в состоянии опьянения, аффекта или душевного расстройства), подкреплял соответствующие этой роли заявления (неважно – свои или чужие) конкретными действиями, выстраивал своё дальнейшее поведение так, чтобы оправдывать ожидания окружающих. Это значит, что он либо вообще не отрекался от однажды сформулированного притязания, либо делал это по прошествии, как минимум, нескольких часов и после дополнительных обращений к окружающим в новом для него качестве.

В-третьих, самозванец – это индивид, который не сумел доказать обоснованность своих притязаний или же, убедив на время какую-то часть людей, в конце концов был разоблачён как обманщик (неважно – при его жизни или после смерти).

В-четвёртых, чтобы слыть самозванцем, человек обязан воспринимать себя в новом качестве и/или так восприниматься другими не «в шутку», а «всерьёз», не в игровой ситуации, а в обычной, повседневной жизни.

В-пятых, человек может считаться самозванцем, если он претендует на статус, входящий

в число привычных для данного общества или хотя бы в число известных и принципиально возможных, с точки зрения представителей данного социума, если он прилагает к себе эпитеты, не вызывающие недоумения или смеха у окружающих. Иначе говоря, самозванцем является только тот, кто стремится (хотя бы мысленно) вписаться в наличную социальную структуру, найти себе место в данном обществе.

Притязание на неведомый для окружающих или экзотический статус в лучшем случае может восприниматься как чудачество, как стремление расширить границы личностной свободы или как желание разнообразить общественную жизнь. В худшем случае подобное притязание оценивается как сумасшествие.

Кстати, иногда оно и впрямь оказывается доказательством психического расстройства, как это было, например, в случае с отставным капитаном И. В. Рагозиным, который в 1776 г. именовал себя не только «государем», канцлером, генерал-аншефом и другими званиями, но также «командиром над всеми»⁸⁴.

Наконец, даже «тюремный сиделец», каторжник или ссыльный может стать самозванцем, если он, «объявляя» о себе, запугивает и/или привлекает окружающих (караульных, следователей или других «братьев по несчастью»), если его слова и действия направлены на то, чтобы подчинить их себе, получить какие-либо права и льготы или даже обрести свободу.

Теперь надо сформулировать критерии для определения **самозванца монархического толка**.

По моему разумению, **монарх** – это: 1) лицо знатного происхождения, 2) носитель харизмы, а значит, человек, чьи помыслы, поступки и моральный облик если не сакрализуются, то идеализируются или хотя бы оправдываются окружающими, 3) правитель (ныне действующий или бывший) отдельного государства – самостоятельного или даже попавшего во внешнеполитическую зависимость, но хотя бы частично сохранившего свой суверенитет.

Титул не является главным критерием, поскольку он мог быть различным: в европейской традиции – император, король, царь, великий князь, герцог, великий магистр, в азиатской традиции – шах, султан, хан и т. д.

Бывший правитель, передавший власть преемнику, не перестаёт быть монархом. Сохраняет свой высочайший статус и владетель, потерявший в ходе войны свою «отчину» или находящийся в изгнании, – но только в том случае, если не поступит на службу к другому правителю или если его бывшее владение не потеряет статуса автономного территориально-политического образования, т. е. не перестанет быть государством.

В состав **монаршей фамилии**, помимо официального правителя, включаются, во-первых, его ближайшие «кровные» родственники – родители, братья и сёстры, сыновья и дочери, племянники и племянницы, внуки и т. д. (причём не важно – «законные» они или нет), а во-вторых, «приобретённые» родственники – лица, вступившие в брак с монархом и его прямыми потомками или пока ещё носящие звание жениха (невесты), а также ближайшие родственники этих лиц.

Соответственно **критериями зачисления индивида в категорию самозванцев монархического толка** оказываются такие: 1) его публичное притязание на статус представителя монаршей фамилии, 2) его стремление получить соответствующие новому статусу властные полномочия: либо инкорпорироваться в высшие эшелоны официальной власти, либо создать свою собственную, автономную сферу властвования (добиться того, чтобы люди беспрекословно выполняли все его повеления).

Не важно, носит ли самозванец имя реального исторического лица или просто называется «царём», «царским братом», «женихом государыни», «земным богом», «будущим императором» и т. п. Его притязания на высший светский статус могут проявляться по-разному: посредством присвоения имени и/или официального титула кого-либо из монаршей фамилии; в виде заявлений о родстве с монархом; посредством награждения себя

эпитетами, которые в массовом сознании устойчиво увязываются с образом верховного правителя; в форме объявлений о своей богоизбранности к занятию престола.

Последний способ «разглашений» использовали, к примеру, крестьянин Филипп Дюков и монах Иеракс⁸⁵. Первый около 6 лет регулярно видел знамения («сверканье») «и потому мыслил, что оное сверканье чинилось для ево, Дюкова, и надеялся простотою своею, что возмётца он в цари в иное государство». Поэтому в 1731 г. он решил стать отшельником, а потом «итти за границу к турецкому салтану», полагая, что «салтан примет ево к себе в цари и женит на дочери своей, ежели у него имеютца»⁸⁶. Что касается Иеракса, то он в 1737 г. написал письмо цесаревне Елизавете, где, если верить доносу, обращался к ней так: «Наяснейшая цесаревна, я де буду по сей Императрице Император в Москве, а ты, Государыня цесаревна, мне женою»⁸⁷.

Самозванцем царственного уровня является и человек, именующий себя «земным богом», поскольку данным эпитетом в России обозначали «истинного» монарха⁸⁸.

В то же время к числу самозванцев монархического толка нельзя причислять тех, кто величает себя «богом и царём» без каких бы то ни было указаний или намёков на то, что его «царство» принадлежит не просто земному миру, но совпадает с конкретным государством или группой государств. Ведь в этом случае просто не имеет смысла говорить о притязаниях самозванца на **светскую** власть⁸⁹.

То же самое нужно сказать и о тех, кто именуется «царём Михаилом», выдавая себя за архангела – архистратига небесного воинства или же за библейского князя, который, согласно пророчеству Даниила, призван истребить «неверных». Когда самозванец лишь пророчествует, призывая людей спасти свои души, или даже пытается начать Страшный суд, будучи уверенным, что человеческая история закончена, то речь идёт о религиозном самозванстве⁹⁰. Если же в поведении «царя Михаила» усматривается стремление к власти земной, к получению высшего статуса в этом, а не потустороннем, мире, то перед нами – монархическое самозванство⁹¹.

Вспомним теперь упомянутого ранее подпоручика Д. Кудрявова. В число самозванцев монархического толка включать его нельзя: во-первых, потому, что по меркам XVIII в. его заявления о высочайшем происхождении не могли восприниматься как притязания на высший статус, а во-вторых, потому, что он отнюдь не стремился обрести новые властные полномочия, довольствуясь уже имеющимися, хотя и очень скромными.

Точно так же следует оценивать, например, и заявления перса Мухамеда Сафия (в крещении – Василия Ильина), который в 1761 г., после побега «из киргис-кайсацкого полону», представил себя российским властям как «родственника бывшему персидскому Надыр-шаху». Во-первых, родство его с шахом было очень дальним (просто оба они были «отродия, называемого Авшар»), а во-вторых, он рассчитывал, видимо, лишь на то, что ему позволят жить в России и поступить на какую-нибудь службу⁹².

Теперь можно выяснить и то, кем же на самом деле являлся Пётр Алексеевич (Алексеев) – «царь», в 1919–1920 гг. управлявший селом Урени Костромского уезда⁹³.

Самозванцем его считать не стоит, поскольку свой пост он получил «по мирскому решению», не отказываясь от своего прошлого и не скрывал его. Да и монархом в полном смысле этого слова он не был: если некую харизму (огромную силу и безотчётно внушаемое уважение) обнаружить у него и можно, то его крестьянское происхождение и неподпадение управляемой им территории под признаки государства⁹⁴ заставляют видеть в нём лишь главу земского самоуправления, для пущей эффектности носящего звание «царь».

Напоследок надо уточнить и соотнести друг с другом понятия «самозванство», «самозванчество» и «самозванщина». Это возможно на основе историко-психологического подхода и принципа системности. Ключевым является разграничение терминов, обозначающих индивидуальные психические феномены, и терминов, относящихся к сфере социальной психологии.

Под «**самозванством**» понимаются, во-первых, мысли, чувства и действия конкретного человека, решившего выдавать себя за носителя другого, нового имени и/или статуса, во-вторых, факторы, влиявшие на его поведение и самооценку, а в-третьих, особенности его самовосприятия.

Самозванство начинается тогда, когда у человека появляется идея о смене привычного статуса, а кончается в момент его публичного саморазоблачения – признания, что действительным (настоящим) статусом является его прежнее место в обществе.

Разумеется, новая самооценка и сопутствующие психические феномены могут быть замечены со стороны (а значит, и зафиксированы в источниках) лишь тогда, когда они получают выражение в словах и/или действиях индивида, когда о его притязаниях узнают другие люди. После такого открытия «латентное» самозванство уступает место «явному», вследствие чего между самозванцем и окружающими устанавливаются новые отношения, а значит рождается **самозванчество**.

В этот момент может зародиться и «**самозванщина**» – если индивиду, выступающему в новом качестве, удастся привлечь на свою сторону хотя бы одного человека. Соответственно этот феномен прекращает своё существование в тот момент, когда от самозванца отворачивается последний сподвижник.

Итак, в полном виде **самозванчество** являет собой диалектическое единство двух указанных выше феноменов. Но если самозванец получает отказ в поддержке со стороны окружающих, сфера самозванчества резко сокращается. Иными словами, не может быть самозванщины без самозванства, однако самозванство без самозванщины вполне возможно.

Примеры «чистого» самозванства явили уже упоминавшиеся И. Рагозин и П. Хрипунов. Первый был препровождён в Тайную экспедицию за то, что пришёл «пред сенаторскую камору» в нелепом наряде и, когда его спросили, «что он за человек, то отвечал, что он не

[с. 47]

человек». После ареста выяснилось, что он считал себя обладателем целого букета званий и титулов, но его сочли сумасшедшим, и сторонников у него не появилось⁹⁵.

Только на следствии вскрылось и то, что П. Хрипунов не только разглашал, будто Пётр III жив, но и готовился выдать себя за него. Однако поскольку это намерение осталось втуне, поскольку Хрипунов о нём никому не говорил⁹⁶, он так и не стал самозванцем царственного уровня⁹⁷.

Нужно также заметить, что *самозванство может быть «именным» и «статусным»*. Под последним разумеется не санкционированное официальной властью занятие индивидом новой для него социальной позиции, которое, однако, не сопровождается его отказом от своей истинной биографии и привычного для всех прозвания.

«Именное» же самозванство такой отказ подразумевает. Оно несколько смахивает на принятие человеком псевдонима, поскольку и там и здесь происходит перемена имени. Однако разница в том, что обозначение себя псевдонимом само по себе не связано с переходом на новый и заранее определённый уровень притязаний, на новую социальную позицию. Между тем подобный переход обязательно имеет место тогда, когда человек берёт имя **реального** лица (здравствующего или покойного). Таким образом, «именное» самозванство всегда опирается на «статусное», но не наоборот.

Типология самозванчества представляется мне такой:

1) светское самозванчество: а) вельможное (сановное) – в ситуации, когда самозванец претендует на статус офицера, дворянина, чиновника, писателя, героя и т. д., б) монархическое (царственное, царистское);

2) религиозное самозванчество: а) священственное (самозванец выдаёт себя за носителя духовного сана – монаха, диакона, попа, архиерея и т. п.), б) теозическое (от греч. «теозис» – обожение) – в ситуациях, когда действуют самозванные пророки, богородицы, христы,

архангелы и пр.

Принятие научным сообществом предложенных дефиниций может улучшить взаимопонимание между исследователями, изучающими самозванчество, обеспечить более глубокое и всестороннее постижение этого феномена.

¹ Дорофеев В. В. Самозванцы (к истории появления слова). Оренбург, 1994. С. 4–5, 19.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка (любое изд.). Статья «Лгать».

³ Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000. С. 1144; Толковый словарь русского языка. М., 1940. Т. 4. С. 34.

⁴ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1900. Т. XVIIIa (56). С. 208.

⁵ Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12. Стлб. 515–516.

⁶ См.: Кулиш П. А. Материалы для истории воссоединения Руси. М., 1877. Т. 1. С. 4, 22, 46, 89; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 186, 206, 214, 231, 337, 340; Короленко В. Г. Современная самозванщина // Русское богатство. 1896. № 8. С. 119–154; Тихомиров М. Н. Самозванщина // Наука и жизнь. 1969. № 1. С. 116.

⁷ См.: Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М., 1994. С. 55; Соловьёв С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1989. Кн. 4. С. 429, 481–482; Он же. Заметки о самозванцах в России // Русский архив. 1868. Т. 2. Стлб. 265–281; Щапов А. П. Умственные направления русского раскола // Дело. 1867. № 11. С. 154; Мордовцев Д. Л. Самозванцы и понизовая вольница. СПб., 1886. Т. 1. С. 15; Ключевский О. В. Соч.: В 8 т. М., 1956. Т. 3. С. 27; Кубалов Б. Сибирь и самозванцы: Из истории народных волнений в XIX в. // Сибирские огни. 1924. № 3. С. 152, 162, 170, 171, 177; Коган А. Н. Распространение самозванства в русской деревне в период пугачёвского восстания // Уч. зап. Куйбышевского гос. педагог. и учител. ин-та. 1943. Вып. 7. С. 222, 224–225; Смирнов И. И. Восстание Болотникова (1606–1607). М.; Л., 1951. С. 15, 253; Мавродин В. В. Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: Восстание Пугачёва. Л., 1961. Т. 1. С. 469–477; Андрущенко А. И. О самозванстве Е. И. Пугачёва и его отношениях с яицкими казаками // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 146–150; Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. С. 27; Троицкий С. М. Самозванцы в России XVII–XVIII веков // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 134, 139–146; Разорёнова Н. В. Из истории самозванства в России 30-х годов XVIII в. // Вестник Моск. ун-та: Сер. истории. 1974. № 6. С. 54, 64–66; Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е.И. Пугачёва: источниковедческое исследование. М., 1980. С. 23–25; Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987. С. 6, 185; Ингерфлом К. С. Самозванство и коллективные представления о власти в русской истории (XVII–XX вв.) // Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма. М., 1991. С. 99–100; Буйда Ю. Алхимия самозванства // Страна и мир. 1992. № 1. С. 152–154; Дорофеев В. В. Указ. соч. С. 6, 20; Васецкий Н. А. Самозванцы как явление русской жизни // Наука в России. 1995. № 3. С. 57–63; Андреев И. Л. Самозванство и самозванцы на Руси // Знание – сила. 1995. № 8. С. 47–53, 56; Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 42–47.

⁸ См.: Сивков К. В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // Истор. записки. 1950. Т. 31. С. 88, 107, 111, 113, 120, 129–134; Покровский Н. Н. Обзор судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII – середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 71, 74; Успенский Б. А. Избр. тр. М., 1994. Т. 1. С. 75–76, 80–81, 87–90, 94; Чистякова Е. В., Соловьёв В. М. Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 54; Мыльников А. С. Испытание чудом: «Русский принц» и самозванцы. Л., 1991. С. 219–220, 228, 242–243, 250; Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 4, 103; Курукин И. В. Поэзия и проза Тайной канцелярии // Вопр. ист. 2001. № 2. С. 132–133.

⁹ См., например: Cherniavsky M. Tsar and People: Studies in Russian Myths. New Haven; L., 1961; Stanly V. R. Royal Mysteries and Pretendents. L., 1969; Avrich P. Russian Rebels. N. Y., 1972; Longworth Ph. The Pretender Phenomenon in Eighteenth-Century Russia // Past and Present. 1975. № 66. P. 61–83.

¹⁰ Perry M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995. P. 1.

- ¹¹ Field D. *Rebels in the Name of the Tsar*. Boston, 1976. P. 8.
- ¹² См., например: d'Antas M. *Les faux Don Sébastien*. P., 1866; Paviel A. *Les imposteurs*. P., 1936; Besançon A. *Le tsarevitch immolé*. P., 1967; Durand-Cheynet C. *Boris Godunov et le mystère Dimitri*. P., 1986; Bercé Y.-M. *Le roi caché: Sauveurs et imposteurs*. P., 1990.
- ¹³ Ingerflom C. S. *Les représentation collectives du pouvoir et l'«imposture» dans la Russie des XVIII-e – XX-e siècles // La royauté sacrée dans le monde chrétien*. P., 1992. P. 162.
- ¹⁴ См., например: Larousse P. *Grand dictionnaire universel du XIX-e siècle*. P., s/d. Vol. 9. P. 598–599.
- ¹⁵ См., например: *The New Encyclopedia Britannica*. 15-th ed. Chicago etc. 1992. Vol. «Index».
- ¹⁶ *The Russian Mentality: Lexicon*. Katowice, 1995. P. 89–90.
- ¹⁷ Буйда Ю. Указ. соч. С. 152.
- ¹⁸ Анненский Л. *Самозванство // Родина*. 1993. № 11. С. 13.
- ¹⁹ Клуб «Свободное слово»: *Самозванство // Родина*. 1993. № 11. С. 8.
- ²⁰ Буйда Ю. Указ. соч. С. 152, 157.
- ²¹ Тульчинский Г. Л. *Испытание именем, или Свобода и самозванство*. СПб., 1994. С. 20, 23, 42, 51.
- ²² Исключение составляют К. В. Сивков, К. В. Чистов, С. М. Троицкий, Б. А. Успенский, П. В. Лукин, И. В. Курукин, но и они предпочитают говорить о «нормальных».
- ²³ См., например: Юнг К.-Г. *Проблема души современного человека // Это человек: Антология*. М., 1995. С. 37; Менделевич В. Д. *Психиатрическая пропедевтика*. М., 1997. С. 253–269.
- ²⁴ Покровский Н. Н. *Самозванный сын Петра I // Вопр. ист.* 1983. № 4. С. 188.
- ²⁵ См.: Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 384–389; РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2046, ч. 1. Д. 9. Л. 123; Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 1237. Л. 2 об., 7; Ед. хр. 2102. Л. 33 об.; Ед. хр. 2239. Л. 3 об.; Оп. 2. Ед. хр. 7044. Л. 12, 13 об., 15; Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Ед. хр. 3433. Л. 7, 10; Ед. хр. 3755. Л. 26 об., 36, 37.
- ²⁶ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 367, ч. 1. Л. 31, 39, 47, 49.
- ²⁷ См.: Сивков К. В. Указ. соч. С. 113, примеч. 120; 123–124; РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2537. Л. 2 об., 6–8, 10–11 об.; Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7113. Л. 1–2.
- ²⁸ См.: Соловьёв С. М. *Соч.*: В 18 кн. М., 1991. Кн. 7. С. 129; Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 44, 47, 383–386, 388; Лукин П. В. Указ. соч. С. 124–127, 134.
- ²⁹ Гуревич А. Я. *Проблемы средневековой народной культуры*. М., 1981. С. 120.
- ³⁰ См.: Щербальский П. *Начало и характер Пугачёвщины*. М., 1865. С. 52; Соловьёв С. М. *Заметки...* Стлб. 272, 274; *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*. Т. XVIIIа (56). С. 208, 210; Троицкий С. М. Указ. соч. С. 134, 144; Васецкий Н. А. Указ. соч. С. 59.
- ³¹ См.: Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 45–46; Лукин П. В. Указ. соч. С. 11, 104, 122–123, 134–136, 139–149, 153–161.
- ³² См.: Сивков К. В. Указ. соч. С. 89.
- ³³ См.: Разорёнова Н. В. Указ. соч. С. 54; Андреев И. Л. Указ. соч. С. 47.
- ³⁴ См.: Сивков К. В. Указ. соч. С. 124, прим. 160; Чистов К. В. Указ. соч. С. 121, 129–130; Покровский Н. Н. *Обзор...* С. 51; Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 43–47; Лукин П. В. Указ. соч. С. 112–163.
- ³⁵ См. указ. работы С. М. Соловьёва, Б. Кубалова, С. М. Троицкого, Б. А. Успенского, Н. А. Васецкого, а также: Щербатов М. М. *Краткая повесть о бывших в России самозванцах*. СПб., 1774.
- ³⁶ Мыльников А. С. Указ. соч. С. 243.
- ³⁷ См.: Троицкий С. М. Указ. соч. С. 139; Успенский Б. А. Указ. соч. С. 82–84; Мауль В. Я. *Социальная психология участников народных движений в России XVII–XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук*. Томск, 1996. С. 15; Лукин П. В. Указ. соч. С. 67–68, 163–168.
- ³⁸ См. примеч. 34, а также: Алефиренко П. К. *Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII века*. М., 1958. С. 325–326.
- ³⁹ Реутский Н. В. *Люди божьи и скопцы*. М., 1872. С. 37.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 334. Л. 189, 196, 202.
- ⁴¹ См.: Реутский Н. В. Указ. соч. С. 28, 32–35, 39–40, 65.
- ⁴² Успенский Б. А. Указ. соч. С. 117.
- ⁴³ См.: Тихонравов Н. С. *Квирин Кульман // Рус. вест.* 1867. № 12; Реутский Н. В. Указ. соч. С. 12–22; Дмитриев А. Д. *Инквизиция в России*. М., 1937. С. 112–113.
- ⁴⁴ См.: Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 46; Лукин П. В. Указ. соч. С. 28, 122–123, 139–140, 145–157, 160–

161; Новомбергский Н. Слово и дело государевы (процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). М., 1911. Т. 1. С. 63–65, № 52; 318–320, № 174; 515–516, № 273; 570, № 315; РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 266. Ч. 44. Л. 249; Ч. 89. Л. 7–8 об.; Ед. хр. 272. Ч. 16. Л. 37; Оп. 3. Кар. 294. Ед. хр. 2. Л. 21 об., 60–60 об., 64–64 об.

⁴⁵ Слово «государь» имело и другие значения, помимо указания на верховного владетеля (см.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 109), поэтому, по сути, прав был дьякон И. Мякушин, заявивший в 1756 г.: «Я де могу и свою жену назвать государыней» (РГАДА. Ф. 7. Оп. 3. Кар. 344. Ед. хр. 211. Л. 88).

⁴⁶ См.: Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 46–47; Лукин П. В. Указ. соч. С. 134–137; Новомбергский Н. Указ. соч. С. 41–42, № 32; 121, № 65; 125, № 68; 244–245, № 147; 311–312, № 170; РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 278, ч. 8. Л. 69–70; Ч. 13. Л. 349–350; Оп. 3. Кар. 294. Ед. хр. 1. Л. 7 об.; Ед. хр. 2. Л. 43 об., 50.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2046. Ч. 3. Л. 386; Ед. хр. 2551. Л. 2.

⁴⁸ Есипов Г. В. Люди старого века: Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб., 1880. С. 377, 379, 409–410; РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 288. Л. 1–17.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 288. Л. 6, 25 об., 38 об., 42–42 об., 67 об.

⁵⁰ «Амок, Амокова пляска (от японского слова амок, т. е. убивать) – порыв переходящего бешенства (Mania transitoria), к которому по местным условиям расположены малайцы, жители Индийского архипелага. Обусловленное, может быть, преобладающим флегматико-холерическим темпераментом, у этих народов развивается особого рода умопомешательство, оно появляется внезапно и почти всегда от ревности, гнева или других аффектов; в этом состоянии они достигают высшего психического возбуждения, делающего их невменяемыми. У малайцев для обозначения этого состояния существует выражение "Mata glab", т. е. "слепой глаз". Одержимые этим бешенством вынимают меч, которым вооружён каждый малаец, пускаются бежать и безжалостно поражают на бегу всякого, кого могут достичь. Такие бешеные, будучи чрезвычайно опасными, считаются лишёнными покровительства законов и каждому дозволено убивать их на месте. Сами они не стараются спастись от преследователей» (Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1894. Т. Iа (2). С. 664–665).

⁵¹ См.: Менделевич В. Д. Указ. соч. С. 255, 258–259.

⁵² «Аффект (лат. affectus – волнение, страсть) – стремительно и бурно протекающая, наиболее сильная эмоция взрывного свойства, неподконтрольная сознанию...» (Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1984. С. 13).

⁵³ Десятилетие смерти Н. И. Костомарова // Сев. вест. 1895. № 6. С. 107.

[с. 49]

⁵⁴ Щапов А. П. Указ. соч. № 12. С. 186.

⁵⁵ Мельников П. И. (Печерский А.). Отчёт о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии, составленный состоящим при Министре Внутренних Дел Коллежским Советником Мельниковым // Труды Нижегородской губернской учёной архивной комиссии. Нижний Новгород, 1910. Т. 9. С. 241, 249.

⁵⁶ Кубалов Б. Указ. соч. С. 164, 170. См. также: Сивков К. В. Указ. соч. С. 96–97.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2798. Л. 3, 6–6 об., 10–12.

⁵⁸ См.: Даль В. И. Указ. соч. (статьи «Благий», «Блажь», «Божатый»).

⁵⁹ См.: Библер В. С. Образ простеца и идея личности в культуре средних веков // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. М., 1990. С. 83; Он же. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М., 1991. С. 119–122, 133–134; Ингерфлом К. С. Указ. соч. С. 99.

⁶⁰ См.: Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 53–72; Лукин П. В. Указ. соч. С. 9–15, 18–169; Новомбергский Н. Указ. соч. №№ 14, 21, 22, 32, 43, 44, 52, 54, 61, 65, 68, 135, 138, 143, 149, 162, 163, 170, 174, 182, 196, 200, 202, 209, 228, 236, 237, 252, 261, 267, 273, 277, 280, 286, 299, 315, 325.

⁶¹ См.: Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 57–72; Симченко Ю. Б. Анализ политических и государственных процессов 1630–1640-х годов по книге Н. Новомбергского // Русские: историко-этнографические очерки. М., 1997. С. 46–48; РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2027, 2270, 2308, 2608, 2721, 3030, 3507, 3195, 3575; Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 2234; Оп. 2. Ед. хр. 7198, 7466.

⁶² См.: Реутский Н. В. Указ. соч.; Ливанов Ф. В. Раскольники и острожники. СПб., 1868. Т. 1;

- Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством (К вопросу о веротерпении). М., 1905; Колчин М. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. М., 1908; Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1946–1952. Т. 2–3.
- ⁶³ См.: Сивков К. В. Указ. соч. С. 129; Покровский Н. Н. Самозванный сын Петра I. С. 188; Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 386, 388; Лукин П. В. Указ. соч. С. 127; РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2400. Л. 32–32 об.; Ед. хр. 2712. Л. 7; Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 1111. Л. 31 об.; Ед. хр. 1225. Л. 11–12.
- ⁶⁴ Так был наказан, к примеру, И. Клеопин в 1671 г. (Соловьёв С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1991. Кн. 7. С. 129; Лукин П. В. Указ. соч. С. 124).
- ⁶⁵ Подобная участь, например, в 1708 г. была уготована Г. Михайлову (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1., ч. 1. Ед. хр. 491. Л. 13).
- ⁶⁶ См.: Соловьёв С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1990. Кн. 5. С. 587; М., 1991. Кн. 6. С. 455; М., 1993. Кн. 10. С. 646; Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. М., 1957. С. 179; Чистов К. В. Указ. соч. С. 119, 124, 128–129; Сивков К. В. Указ. соч. С. 98–132; Троицкий С. М. Указ. соч. С. 137, 140–145; Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 45, 47.
- ⁶⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 266, ч. 27. Л. 29; Ед. хр. 731. Л. 2, 9, 12, 17.
- ⁶⁸ См.: Кубалов Б. Указ. соч. С. 175–176; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1898. Т. XXV (49). С. 250.
- ⁶⁹ Михальская А. К. Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996. С. 76–77.
- ⁷⁰ См.: Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX века. М., 1904. С. 169, 177, 211–212.
- ⁷¹ См.: Соловьёв С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1993. Кн. 8. С. 167–169; Булавинское восстание. М., 1935. С. 401–402, 413–414, 416; Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. 1. С. 43, 45–47, 49–50, 212, 214, 223, 225, 232–233, 236–243, 252, 257–265, 268–273, 411.
- ⁷² До XIX в. «в русском праве не было специальных законов, которые бы кодифицировали состав такого преступления, как самозванство» (Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 45).
- ⁷³ См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1898. Т. XXV (49). С. 250; Колокольцов В. Б. Законодательство Российской империи о самозванстве // Законодательство Российской Империи о дворянстве и современное российское дворянство: Материалы к Первому науч. семинару. СПб., 1996. С. 10–12.
- ⁷⁴ РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 1–2 об.; Оп. 2. Ед. хр. 5551. Л. 2 об., 3 об.; Ед. хр. 6016. Л. 2 об.
- ⁷⁵ РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 1237. Л. 1–3, 7.
- ⁷⁶ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 272. Ч. 25. Л. 325 об. – 327 об.; Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 2281. Л. 1–4.
- ⁷⁷ См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1896. Т. 35 (XVIII). С. 53; Станкевич А. Игумен Афанасий Филиппович и шляхтич Ян Луба. СПб., 1885. С. 16–48; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 1.
- ⁷⁸ См.: Строев А. Ф. «Те, кто поправляет фортуна»: авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 258.
- ⁷⁹ Чистов К. В. Указ. соч. С. 182; Успенский Б. А. Указ. соч. С. 77, 82, 95, примеч. 10.
- ⁸⁰ См.: Кельсиев В. И. Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1861. Вып. 3. С. 63, 80–81, 106–107; Ливанов Ф. В. Указ. соч. СПб., 1870. Т. 2. С. 406–409; Мельников П. И. Материалы для истории хлыстовской и скопческой ересей... Б. м., б. г. Отд. 2. С. 10–11.
- ⁸¹ См.: Сивков К. В. Указ. соч. С. 97–99; РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7086. Л. 2, 6–7, 9 об., 11 об., 142, 144–145, 158–159, 203 об. – 204 об., 206–207, 326 об., 379 об., 382 об., 394–394 об., 402–404, 478–478 об., 482.
- ⁸² См.: Сивков К. В. Указ. соч. С. 130–131; РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2744. Л. 5–6, 30–30 об., 33, 75 об., 89–90, 103–104, 277–277 об., 294.
- ⁸³ Кубалов Б. Указ. соч. С. 176.
- ⁸⁴ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2441. Л. 12; Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7428. Л. 34 об.
- ⁸⁵ О них упоминает и Е. В. Анисимов (Указ. соч. С. 45, 47), однако не вся информация в его работе достоверна: Дюков почему-то называется Фёдором, а монах – Исааком; неверно указан год ареста Дюкова (1740 вместо 1734 г.); указывается, что он убил свою жену, в то время как убита была чужая женщина. Неправильно даны и ссылки на архивные дела, что, впрочем, характерно и для работы в целом – перепутанных или некорректных ссылок очень много.
- ⁸⁶ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 272. Ч. 2. Л. 394–394 об.
- ⁸⁷ Там же. Ч. 16. Л. 171 об.

⁸⁸ См.: Успенский Б. А. Указ. соч. С. 77, 94–95, 143–147.

⁸⁹ Примеры такого рода являют Ф. Тучин и Я. В. Селезнев (1728 г.) – см.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 5. Ч. 1. Л. 364–364 об.; Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Ед. хр. 3746. Л. 2–2 об., 7–8 об.

⁹⁰ По некоторым сведениям, царём Михаилом считал себя Кузьма Косой – предводитель «староверческого» восстания на Дону в конце 80-х гг. XVII в. (Успенский Б. А. Указ. соч. С. 78). Подобным образом смотрел на себя беглый крестьянин Леонтий Волков, арестованный в 1740 г., однако он ограничивался лишь поучениями и критикой «новой веры» (См.: РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 1111. Л. 23 об. – 26 об.)

⁹¹ Примерами служат случаи с драгуном Я. Татариновым (1740 г.) и отставным кадетом Е. Корякиным (1761 г.). Оба «царя Михаила» публично объявляли, что богом пожалованы в будущие правители Российского государства, и готовились принять трон (См.: РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 1165. Л. 4 об. – 7 об.; Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2047. Ч. 1. Л. 45 об. – 47; Ч. 2. Л. 103–106).

[с. 50]

⁹² Там же. Ф. 248. Оп. 113. Ед. хр. 1415. Л. 3, 6–8 об., 14 об.; Ед. хр. 1730. Л. 12.

⁹³ См.: Ширяев Б. Н. Неугасимая лампада. М., 1991. С. 151–225.

⁹⁴ См.: Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 158–182.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2441. Л. 1, 12; Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7428. Л. 12, 26.

⁹⁶ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2699. Л. 8 об., 56, 59, 81–84 об., 118 об. – 130 об.

⁹⁷ Я нахожу ошибочным утверждение, что Хрипунов был самозванным претендентом на трон (см.: Кубалов Б. Указ. соч. С. 163; Сивков К. В. Указ. соч. С. 131–132; Троицкий С. М. Указ. соч. С. 144; Покровский Н. Н. Обзор... С. 69–70; Побережников И. В. «Самиздат» осьмнадцатого века // Родина. 1994. № 5. С. 40–41).

[с. 51]
